

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ФУТУРОЛОГИЯ: ДЖ. НЭСБИТТ И И.Т. ФРОЛОВ

© 2018

DOI: 10.31857/S023620070002340-1

М.И. Фролова

В 2019 году исполняется 90 лет со дня рождения основателя журнала академика Ивана Тимофеевича Фролова. Публикуем материал, где, в частности, раскрываются его контакты с международным научным сообществом в разработке проблем гуманизма, передовых технологий, биоэтики.

Американский футуролог Нэсбитт достаточно известен в нашей стране — несколько его книг переведены на русский язык, — однако идеям ученого у нас посвящено не так много исследовательской литературы [см.: 2; 13]. Между тем Нэсбитт интересен не только своими футурологическими прогнозами, но и попыткой философского анализа и осмысления глобальных и биоэтических проблем, встающих сегодня перед человечеством. Особый интерес работы Нэсбитта представляют для философов России, поскольку дают удивительный пример взаимообогащающего диалога и параллельной разработки важнейшего научно-философского понятия в США и в нашей стране. Речь идет о понятии “high touch” — “высокое соприкосновение”.

Дж. Нэсбитт родился в 1929 году в Солт-Лейк-Сити, столице штата Юта. Обучался в Гарвардском, Корнельском университетах и Университете штата Юта. С 1963 года работал в Администрации Президента США, затем в корпорации “IBM”. Нэсбитта занимала проблема обеспечения системного мониторинга воздействия принимаемых решений на социальные процессы. В 1967 году он основал свою исследовательскую фирму, которая специализировалась на подготовке докладов о тенденциях мирового развития на основе контент-анализа текущей прессы и других источников информации. В 1982 году Дж. Нэсбитт выпустил свою первую книгу — “Мегатренды” (“Megatrends”), — ставшую бестселлером. Сегодня уже неактуальны прогнозы, сделанные автором на 1980-е годы, хотя многие из них подтвердились, например прогноз относительно повышения роли сете-

**ЧЕЛОВЕКОЗНА-
НИЕ: ИСТОРИЯ,
ТЕОРИЯ, МЕТОД**

**Фролова
Мария**

Ивановна —
научный сотрудник
сектора гуманитар-
ных экспертиз и
биоэтики Института
философии РАН.
Постоянный автор
журнала. Электрон-
ная почта:
mariafrolova1@
yandex.ru

Дж. Нэсбитт

вых структур. Для нас интересно то обстоятельство, что в книгу включен небольшой параграф, посвященный понятию “high touch”. Дальнейшего развития в те годы данное понятие в работах Нэсбитта не получило. Но то же самое понятие тогда разрабатывалось по другую сторону океана — в СССР.

В мае 1984 года известный советский философ И.Т. Фролов находился в научной командировке в Японии, которая сумела совершить гигантский экономический скачок в результате освоения высоких технологий. Здесь на одном

из заводов в Йокогаме, производящем электронику, ученый впервые услышал термин “high touch”. Данным термином японские специалисты обозначали такое взаимодействие компьютера и человека, при котором эта “деликатная” машина “требует” многого от человека, включая рост его профессиональных знаний, наличие у него общей культуры и нравственных качеств. В широком смысле в западной экономике высоких технологий термин “high touch” обозначал такое общение специалиста с клиентами и такую его работу с оборудованием, когда важную роль играют его личное отношение, внимание, участливость. В то время И.Т. Фролов как раз готовил новую статью, в которой намеревался показать особенности роли человека в высокотехнологичном обществе. В термине “high touch” советский ученый увидел символическое выражение своих размышлений. Именно Фролов перевел его не просто как “высокое касание”, но как “высокое соприкосновение”.

По возвращении из Японии И.Т. Фролов написал для газеты “Правда” статью “Высокое соприкосновение”. Для журнала же “Вопросы философии” он в соавторстве с академиком Н.Н. Моисеевым подготовил статью “Высокое соприкосновение: Общество, человек и природа в век микроэлектроники, информатики и биотехнологии” [9]. Так коммерческий и технологический термин превратился в философское понятие. В опубликованной в “Вопросах философии” статье была показана амбивалентность социального измерения высоких технологий, когда их применение может как усугублять социальное отчуждение, так и содействовать его снятию. Человек не может действовать с узких позиций частного интереса, в то время как техника, посредством которой он действует, приобрела универсальный, глобальный характер. Человек должен нравственно вырасти, чтобы стать истинным преобразователем природы, в противном случае он погубит и технику, и природу, и себя самого [там же, с. 24–41]. Вот что говорил Э.А. Араб-Оглы об ин-

терпретации И.Т. Фроловым понятия “high touch”: “Казалось бы, всего лишь два слова; однако это не просто слова, а научное понятие, воплощающее в себе важнейшую сторону нового этапа научно-технической революции” [1, с. 194].

Идею “высокого соприкосновения” И.Т. Фролов поставил на обсуждение и на круглом столе журнала “Знание — сила” [4]. В дискуссии приняли участие Н.Н. Моисеев, Э.А. Араб-Оглы, В.П. Зинченко, Г.Д. Гачев, В.Г. Горохов, В.Л. Рабинович и др. Фролов обратил внимание ученых на опасность “кризиса идентичности” современного человека, который возникает, если технический прогресс не сопровождается гуманистическим регулированием. Дело заключается не в технофобии, утверждал он, а в том, что гуманитарные проблемы, связанные с вхождением в мир высокой технологии, не могут решаться автоматически. Важно не только уделять внимание человеку как фактору ускоренного развития техники, важно учитывать, насколько это сопряжено с развитием его культуры. Несоответствие того и другого может иметь весьма драматические последствия для человеческой цивилизации.

И.Т. Фролов настойчиво утверждал, что всякий утилитарный подход к природе и человеку неправилен, недостаточен и в конечном счете неэффективен. Философ критиковал “экономизм” государственных и хозяйственных руководителей, которые вычисляли, сколько будет стоить новое строительство или модернизация производства, но которым и в голову не приходило подсчитать отдачу от вложений в сферы, непосредственно обслуживающие человека и способствующие его развитию.

Понятие “высокое соприкосновение” вошло в концепцию комплексного междисциплинарного исследования человека, разрабатывавшуюся И.Т. Фроловым. В своем докладе на XVIII Всемирном философском конгрессе в Брайтоне (1988) ученый напрямую связал данную философскую идею с практикой формирования антитехнократического сознания: “Мы стремимся убедить наши правительственные и хозяйственные органы в необходимости делать определенные финансовые затраты на развитие не только — и не просто — той или иной технологии, но и на исследование всех возможных негативных последствий, которые здесь возникают, и на их предупреждение. Это относится и к экологическому измерению, экологическим параметрам научно-технического и вообще промышленного развития” [19]. Так он видел назначение философа в технологическую эру.

В книге “О человеке и гуманизме” (1989) И.Т. Фролов сформулировал идею “человеческого разрыва”, присущего совре-

И.Т. Фролов

менной технологической цивилизации [17]. Наука и техника открывают все новые и новые возможности для человека, но сам он изучен недостаточно и степень его изученности все более отстает от “биологического” этапа НТР. “Наконец, будет ли новая технология находиться в руках гуманных, культурных людей, или человек с неразвитым социальным сознанием и чувством исторической ответственности обратит ее против природной среды и собственного существования?” [21] — задается вопросом ученый в одной из своих статей. Поэтому во взаимосвязи с социальными альтернативами научно-технического прогресса академик Фролов остро ставил вопрос о его этических альтернативах, подчеркивая, что “человеческое измерение” научно-технического прогресса не является чем-то само собой разумеющимся, оно каждый раз должно заново внедряться в сознание новых поколений ученых. В упомянутой выше книге он прямо говорил о необходимости “постоянного внесения гуманистической проблематики в основания науки” [17, с. 138].

И.Т. Фролов обращал внимание на целый комплекс возникающих здесь проблем. Личность, с детства приученная к электронной машине как части быта, формируется несколько иначе, чем в доэлектронную эру. Кем она станет — субъектом творческой деятельности или пассивным потребителем многообразных зрелищ и развлечений, предоставляемых совершенной теле- и видеотехникой? Не приведет ли новая техника к дисгармонии личности? По мысли ученого, ныне существуют своеобразные ножницы между нравственно-гуманистическими качествами человека и тем могуществом, что достигнуто человечеством благодаря науке, в том числе и в области биологии. “Состояние нашего морального сознания совершенно не соответствует тому, что происходит” [1, с. 46].

Разрыв между высокой технологией и развитием тех, кто ее использует, отчетливо проявился в постсоветской России, не способной поддерживать прежний уровень научно-технического и социально-нравственного развития. «Когда-то, — говорил И.Т. Фролов в 1993 году, — я употреблял термин “высокое соприкосновение”, имея в виду то, что высокие технологии должны вести к возвышению человека. Получается же, что они нередко ведут к его деградации. К сожалению, это затронуло и нашу страну» [15]. В своем последнем интервью журналу “Вопросы философии”, фактически ставшем его философским завещанием, академик И.Т. Фролов утверждал: «“Высокое соприкосновение” новой технологии с обществом, человеком и природой становится сегодня уже не просто жизненной необходимостью, но и неременным условием как эффективного применения этой технологии, так и самого существования общества, человека и природы. Все это ставит новые проблемы перед современной цивилизацией, побуждая изменить в ней существующие приоритеты» [14].

Прошли годы, но гуманистические ориентиры И.Т. Фролова не утратили актуальности. В.Ж. Келле писал в этой связи: «Более

двух десятилетий, прошедшие со времени публикации статьи И.Т. Фролова и Н.Н. Моисеева, — огромный период для быстро развивающихся современных технологий, и они, конечно, за эти годы ушли далеко вперед. Сейчас и “социальное соприкосновение” выглядит по-другому. Но основные тенденции в области “высокого соприкосновения” человека и новых технологий, намеченные в статье, остаются актуальными и в наше время” [6].

Вторая половина 1980-х годов — время наиболее плодотворного диалога советских и американских ученых. Это и период взаимного научного интереса и интенсивного общения Дж. Нэсбитта и И.Т. Фролова. Нэсбитт тогда работал над новой книгой “Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000”. Фролов же в 1980 году опубликовал в “Вопросах философии” свою знаменитую статью “Философия глобальных проблем”, где впервые в нашей стране поставил вопрос о возникновении совершенно новых глобальных проблем и тех противоречий научно-технического прогресса, которые они отражают. В 1981 году вышла книга И.Т. Фролова в соавторстве с В.В. Загладиным “Глобальные проблемы современности. Научный и социальный аспекты”. Проблематика названной книги и книги “Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000” во многом пересекалась. Фролов обратил внимание на статью Нэсбитта 1985 года, в которой тот предрекал будущее с резко расширившимися возможностями выбора, формирование мировой экономической системы, в которой будут действовать основная тенденция глобализации и противоположная ей тенденция к децентрализации. Советского ученого заинтересовали высказывания автора о том, что технологические факторы еще далеко не сбалансированы с гуманитарными, в особенности в сфере образования [31]. Фролов ознакомился и с книгой Нэсбитта “Мегатренды”. “Работа эта произвела на меня большое впечатление широтой взгляда автора на происходящие в мире процессы, — отмечал философ. — Конечно, у нас многое не совпадало в подходах, классификации, интерпретации глобальных проблем и их значения, но между нами осуществлялся настоящий научный диалог, и я, как и другие мои товарищи по работе, многим обязан своим коллегам, в частности проф. Нэсбитту” [11, с. 3].

В свою очередь Дж. Нэсбитт активно интересовался перестройкой, даже посвятил ей отдельную главу в книге “Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000” и всячески стремился к диалогу с одним из ее идеологов, И.Т. Фроловым. Особенно интенсивно диалог велся по биоэтической проблематике, которой тот и другой все более и более интересовались. В отличие от сугубо прагматических установок, распространенных среди американских ученых, Фролов с удовлетворением замечал, что Нэсбитту присущ “гуманистический подход” к проблемам человеческого будущего в век биотехнологии [там же, с. 4].

В 1989 году Дж. Нэсбитт и Дж.А. Гаррисон от имени Эсаленского института (Сан-Франциско) пригласили И.Т. Фролова вы-

ступить в Сан-Франциско на конференции “Диалоги о социальной и экономической перестройке”. Тогда же И.Т. Фролов получил приглашение от директора Института этики им. Кеннеди Э.Д. Пеллегрини принять участие в работе международного симпозиума “Транскультурные измерения медицинской этики”.

В апреле 1990 года И.Т. Фролов посетил США. В Лос-Анджелесе и Сан-Франциско, выступая перед представителями деловых и политических кругов, советский ученый говорил о том, что человек должен создать новый мир — разумный и гуманный, иначе его ждет либо физическая гибель, либо нравственная, духовная деградация. Общество, которое должно сложиться в результате перестройки, в условиях демократизации и научно-технического прогресса осознаёт целостность цивилизации и природы, вберет все ценное из мирового цивилизационного опыта, будет базироваться на традициях и гуманистических ценностях народов не только нашей страны, но и всего человечества [30].

На биоэтическом симпозиуме в Национальной академии наук США в Вашингтоне И.Т. Фролов сделал доклад “Этика и евгеника”. Обсуждались этические аспекты проекта “Геном человека”, деонтология в системе биоэтики, религиозные запреты в области биоэтики, социокультурные различия в биоэтической сфере и др. Советский философ обращал внимание на важность принципа уважения к личности, на то, что в связи с вопросом о выживании человечества проблемы биоэтики приобретают глобальный характер.

Состоялась и личная встреча И.Т. Фролова и Дж. Нэсбитта. Американский футуролог подарил И.Т. Фролову свою только что вышедшую книгу “Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000”.

В ноябре 1990 года в Москве в Академии общественных наук состоялся международный симпозиум “Перестройка и глобальные проблемы современности”. И.Т. Фролов выступил на нем с докладом “Глобальные проблемы и новое мышление”. По завершении симпозиума И.Т. Фролов принимал Дж. Нэсбитта в редакции газеты “Правда”, главным редактором которой он тогда был. Будучи участником организованного “Правдой” круглого стола, на который были приглашены Н.Н. Моисеев, В.В. Загладин и другие советские ученые, Дж. Нэсбитт рассказал о своей новой книге. И.Т. Фролов подарил американскому ученому свою книгу “Человек, наука, гуманизм” (“Man, Science, Humanism”), которая в английском переводе была издана в 1990 году в США [29].

Книга Дж. Нэсбитта “Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000” в русском переводе с предисловием академика И.Т. Фролова была опубликована в Москве в 1992 году. В 1990-е годы Дж. Нэсбитт продолжил разработку своей гуманистической футурологии и вслед за И.Т. Фроловым обратился к детальной разработке понятия “high touch”. В 1999 году вышла новая книга американского ученого — “High tech — High touch: Technology and our search for meaning”. В 2005 году появи-

лось издание на русском языке [10]. Термин “high touch” в нем был переведен как “глубокая гуманность”. Несмотря на вольность перевода, это словосочетание точно выражает мысли и устремления исследователя. Дж. Нэбитт, развиваясь как ученый параллельно и независимо от И.Т. Фролова, но пребывая в содержательном диалоге с ним, в разработке понятия “high touch” пришел к сходным с советским ученым выводам.

Почему вообще мы можем говорить о некоей концепции, ведь Дж. Нэбитт как подлинный футуролог дорожил своей репутацией ученого, он не выдумывал тенденции будущего, а находил их симптомы в тогдашней действительности? Нэбитт писал, что его работа по выявлению тенденций будущего делается для того, “чтобы вычленил основные категории для более глубокого познания мира” [11, с. 10]. Упомянутые категории ученый не формулировал специально, однако те отчетливо видны в интерпретациях, которые он давал тем или иным мировым тенденциям, проблемам и угрозам.

Дж. Нэбитт надеялся на то, что своими прогнозами сможет повлиять на будущее, во всяком случае на человеческий выбор. Он сознательно выдвигал на первый план те тенденции, что ведут к созданию благоприятных возможностей — он даже указывал прямо — к спасению человечества [там же, с. 14, 16]. В этой гуманистической направленности — отличие Нэбитта от многих футурологов, предпочитающих запугивать человечество своими прогнозами. Книги Нэбитта вселяют оптимизм, дают надежду на то, что позитивные действия человека сохранят и человечество, и планету, которую оно населяет.

Проанализируем с указанных позиций основные идеи книги Дж. Нэбитта, посвященной мегатенденциям 1990-х годов. Задолго до бума вокруг понятия “глобализация” американский исследователь четко констатировал, что “началась новая эра глобализации” [там же, с. 13]. В этом вскоре подтвердившемся прогнозе он не только проявил себя как ученый-футуролог, но и пошел дальше, сформулировав основное содержание эры глобализации, и уже как философ заявил, что самые удивительные открытия будут связаны не просто с повышением уровня технологий, а с тем, «что мы по-новому оценим само понятие “человек”» [там же, с. 15]. В частности, Нэбитт подчеркнул, что по мере развертывания глобализации мы будем “пытаться сохранить нашу индивидуальность, будь она религиозной, культурной, национальной языковой или расовой” [там же, с. 167]. Но все же в книге наибольший интерес для нас представляет глава “Век биологии”. Примечательно, что еще в своих исследованиях 1970-х годов именно так обозначал грядущий век И.Т. Фролов. Совпадение у Дж. Нэбитта и И.Т. Фролова здесь не только текстуальное, но и содержательное.

По Дж. Нэбитту, лидерство в мировой науке переходит от физики к биологии. Именно биология становится поставщиком парадигмальных идей и образов для других наук и для культуры

в целом. Неоспорима правильность исходной позиции, занятой исследователем в вопросе о перспективах человека в “век биологии”: нам мало известно о мощном воздействии биотехнологии на нашу жизнь, “еще меньше мы знаем о социальных и этических проблемах, возникающих в связи с развитием этой науки” [там же, с. 276]. Отсюда становится понятным, сколь близка была позиция американского ученого И.Т. Фролову, который на протяжении многих лет специально акцентировал внимание на этих проблемах. Даже формулировки двух ученых текстуально совпадали. В сентябрьском номере журнала “Природа” за 1982 год И.Т. Фролов сформулировал положение о социально-этических и гуманистических проблемах биологии человека, отметив, что будущее стоит за такими направлениями исследований, как социология и этика познания жизни и человека.

Взгляды российского и американского ученых сходились и в вопросе о необходимости общественного контроля за биотехнологическими исследованиями, касающимися непосредственно человека. Как остроумно заметил Дж. Нэсбитт, проблемы “слишком важны, чтобы их решение доверять специалистам в этой области” [11, с. 276]. Вопрос о человеческой наследственности и ее “улучшении” касается не только биотехнологов, политиков и бизнесменов, но и общественных активистов, экологов, фермеров, священников — то есть всех равнодушных к судьбам человечества. “Как мы можем быть уверены, что организм с измененным генетическим материалом, даже если он потенциально полезен человеку, не вызовет катастрофических последствий для окружающей среды?” — вопрошал Дж. Нэсбитт [там же, с. 278]. «Все так может распозлзиться, что в один “прекрасный” день, проснувшись, мы вдруг ни одного листочка, ни одного дерева не увидим. Оказывается, что всё сожрали какие-то рекомбинантные организмы, которые выскочили из лабораторных пробирок, — как будто отвечал ему И.Т. Фролов в своем интервью “Комсомольской правде” от 27 июля 1989 года. — А потом эти организмы возьмутся за нас. Я не раз призывал ученых: давайте констатировать эти опасности не постфактум. Давайте их предупреждать. Иначе будет поздно».

Среди биоэтиков широко известен так называемый “парадокс Фролова”: “Чтобы создать человека более умного, чем мы, мы уже должны быть умнее, чем тот, кого мы хотим создать, в том числе — обладать более высокой моралью” [12]. Дж. Нэсбитт очень близко подошел к данной формулировке. В книге о мегатрендах 1990-х годов он писал: “Если мы хотим справиться с ответственностью, возложенной на нас возможностью вмешиваться в самую жизнь, манипулировать самой жизнью, мы должны духовно подняться на другой уровень” [11, с. 281]. Еще определеннее формулировки американского ученого стали 10 лет спустя: “Существует реальная озабоченность тем, достаточно ли мы мудры, чтобы формировать себя настолько, насколько позволяет это делать новая технология” [10, с. 194].

Оба ученых солидарны в том, что современное человечество пока не готово к необратимым экспериментам с кодом жизни. Дж. Нэбитт продолжил свою мысль так: “Вероятно, нам все-таки придется предпринять меры предосторожности и замедлить бег времени, чтобы справиться с этой ответственностью” [11, с. 281]. Знаменательный вывод, продиктованный гуманистическими установками автора. Ученый сделал его вопреки всей общественной практике США, в которой то, что технологически возможно, должно быть обязательно реализовано. Нэбитт осудил практику патентования продуктов генетической инженерии. Он также занял твердую позицию относительно коммерциализации биотехнологии, которую нельзя уравнивать с прочими производствами по признаку коммерческой перспективности и прибыльности — в противном случае произойдет принижение “чрезвычайной серьезности последствий биотехнологии в вопросах нравственности, связанных с жизнью и смертью” [там же, с. 299]. В этом он вновь солидарен с гуманистической философией И.Т. Фролова. Советский ученый был убежден в необходимости обладать не только знаниями, но и мудростью, с тем чтобы не применять знание, способное навредить человеку. “Хватит ли разума, социальной ответственности и силы у человечества, чтобы удержаться от опасной любознательности?” [5] — задавался вопросом И.Т. Фролов. По его мнению, даже простое информирование общественности о полученных научных результатах может иметь весьма неоднозначные последствия, что является серьезной этической проблемой. Мудрость выше познания, когда она принимает решение о том, чтобы *не познавать* либо же *не распространять* знание.

Один из параграфов книги “Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000” посвящен этике биотехнологии. В приведенных в нем высказываниях ряда ученых генная инженерия выглядит “безопасным средством модификации организмов” и рисуется картина коммерческой успешности создания организмов с программируемым набором признаков. Дж. Нэбитт открыто квалифицирует подобную позицию как “манипулирование генным материалом ради прибыли без всякого учета нравственной или экологической стороны дела” [11, с. 305]. Интересно, что для критики ученых-биотехнологов, лишенных критической самооценки, русский и американский авторы привлекают образ доктора Франкенштейна из романа М. Шелли. При всей своей популярности упомянутый образ и поныне не потерял актуальности и критического запала. Главное же, что объединяет Дж. Нэбитта и И.Т. Фролова в данном вопросе, — это осознание недостаточности наших знаний. “Один из возможных вариантов решения — заставить биологию на первом этапе новой эры заниматься *изучением*, как функционирует природа, а не как манипулировать ею” [там же, с. 306], — пишет Нэбитт. Несмотря на общественный ажиотаж по поводу биотехнологий, отмечает он в другой своей книге, сами ученые осознают, что “они сейчас

находятся в самом начале пути” [10, с. 182] и еще так мало знают и о человеческом организме, и о сути самой жизни, чтобы брать-ся их “улучшать” с помощью изобретенных технологий.

Во многих работах И.Т. Фролова также постоянно проводится мысль о том, что мы находимся *в самом начале пути познания* загадки жизни и тайны человека [см., напр.: 16, с. 34–37] и приступать к созданию организмов с запрограммированным набором генетических признаков можно будет только в отдаленном будущем. Философ констатирует: решение чисто технической задачи расшифровки генома человека не приблизило ученых ни к объяснению взаимосвязей внутри генома, ни к пониманию коррелятивных зависимостей между наследственным кодом и совокупностью морфологических характеристик организмов. Геном человека в данное время подобен этрусскому камню с надписью: “Алфавит известен, а прочитать текст невозможно”. Безответственно преувеличивать наше знание, когда неполное и неточное оно выдается за абсолютное и таковым преподносится широкой общественности. По мнению И.Т. Фролова, самое опасное сегодня — парадоксальным образом замешанное на науке невежество, которое приобретает форму сциентистского самодовольства [1, с. 512–519]. Тот же феномен Дж. Нэсбитт называет “высокомерием науки” [10, с. 250].

В издании “Высокая технология, глубокая гуманность” (русском переводе книги “High tech — High touch”) Дж. Нэсбитт продолжил разработку социально-этических и гуманистических проблем развития человечества и предложил свою интерпретацию понятия “high touch”. Общность гуманистических ценностных установок русского и американского философов привела к тому, что “глубокая гуманность” Дж. Нэсбитта во многом воспроизвела основные положения “высокого соприкосновения” И.Т. Фролова. Сказалось и их совместное научное общение. Но главное — их общая гуманистическая устремленность. История как бы поставила познавательный эксперимент — и он подтвердил: несмотря на цивилизационные различия, люди, если они мыслят глубоко и ответственно, придут к общим рецептам спасения человечества от угроз, им же порожденных.

Книга “Высокая технология, глубокая гуманность” содержит большой критический материал в отношении экспансии технологий, вторгающихся в интимные сферы жизни человека, и рыночного общества потребления, способного привести человека к отчуждению от своей собственной идентичности. Дж. Нэсбитт отмечает тенденцию превращения личности в потребителя, которым легко манипулировать; такой потребитель принимает поток высокотехнологичных “игрушек для взрослых”, однако не может насытиться ни одной из них. Ученый также ставит проблему осмысленного досуга как альтернативу безудержному потреблению (по сути, это та же проблема самосовершенствования человека через овладение свободным временем, которую в свое время поставил К. Маркс).

Следует отметить, что у американского автора критика отчуждения подчас приобретает наивный характер. Он обычно интерпретирует отчуждение как формальное общение либо полное отсутствие такового. Несмотря на критические замечания, сделанные Нэсбиттом в адрес коммерциализации человеческих отношений, ему оказалось затруднительным раскрыть причины социального отчуждения. Но не констатировать негативные последствия отчуждения он не мог, ибо те лежат на поверхности. К сожалению, предлагаемые в книге рецепты спасения от отчуждения также наивны. Вот, к примеру, один из рецептов: удаление из дома телевизора обеспечивает содержательный диалог между членами семьи. Времена Генри Торо, ушедшего от соблазнов цивилизации и поселившегося в хижине на берегу озера Уолден, канули в лету. Спасения от отчуждения, очевидно, следует искать не в избавлении от атрибутов технологической среды, а в овладении возможностями этой среды для саморазвития, развертывания безграничных человеческих возможностей.

Важнее, однако, не отдельные слабости книги, а сам призыв Дж. Нэсбитта компенсировать негативные стороны применения высоких технологий глубокой гуманностью. Быть может, это паллиатив, но “умение учиться жить по-человечески в эпоху господства высоких технологий”, найти им место в обществе и “избежать отчуждения и изоляции” [там же, с. 41] — позиция достойная. Автор делает вывод философского значения: “технология отнюдь не нейтральна” и в отношении нее необходимо “придерживаться шкалы человеческих ценностей” [там же, с. 41–42]. “До последнего времени технология как таковая считалась нейтральной, — утверждает Нэсбитт. — Многие высказывают мнение о том, что технология сама по себе не может быть ни плохой, ни хорошей. Биологическая этика стала первым полем, с которого прозвучал сигнал понимания того, что у технологических новшеств есть человеческие последствия” [там же, с. 168]. Тут вновь совпадение позиций Дж. Нэсбитта и И.Т. Фролова. Это особенно значимо потому, что и в нашей стране, и в США предостаточно приверженцев идеи ценностно нейтральной науки.

И.Т. Фролов в своих работах показал, что ученый, для которого сам человек становится объектом познания, не может ограничиваться традиционным принципом объективности познания и ссылаться на этическую нейтральность науки. С.Н. Корсаков, исследовавший жизнь и творчество И.Т. Фролова, сформулировал на основе его идей следующий принцип: “В науке, для которой сам человек стал объектом, негуманное познание такого объекта неадекватно, исказит истину” [8]. К новому пониманию объективности познания пока трудно привыкнуть. Слишком сильно, как верно пишет Дж. Нэсбитт, “преклонение пред объективностью” [10, с. 251]. Сегодня настойчивое стремление отделить познание от его применения “вызывает сомнения в том, что наука способна сама себя контролировать” [там же, с. 252]. Пресловутый гносеологический принцип “если нечто может быть изучено, его нужно

изучить” подкрепляется таким социальным фактором, как отработка затрат корпораций на уже проведенные исследования.

И.Т. Фролов еще в 1970-е годы говорил о том, что пора перестать размахивать “флагом Галилея” и оставаться приверженым “чистого” познания. Социально-этическая проблематика ныне входит в сам процесс современного научного исследования — и при постановке проблемы, и при выборе средств познания, и, безусловно, при использовании его результатов.

Возьмем, например, проблему констатации момента смерти человека в биоэтике и реаниматологии (в качестве кого рассматривать продолжающее жить тело, в котором необратимо разрушается мозг?) или проблему разумности и гуманности продления индивидуальной жизни “до бесконечности”. При решении подобных проблем познавательная деятельность “неизбежно приобретает и нравственно-этическое содержание” [26, с. 64].

Большое внимание в книге “Высокая технология, глубокая гуманность” Дж. Нэсбитт уделил биоэтическим проблемам: “...расшифровка генома человека и философские основы этого поиска вынуждают нас к глубокому переосмыслению самой сути того, что значит быть человеком” [10, с. 163]. Автор ратует за широкое публичное обсуждение социальных и этических проблем, которые несут с собой генетические технологии. Фактор гласности ему важен и как инструмент упреждения: “Учитывая историю наших отношений с технологиями, сегодня люди имеют уникальную возможность предвосхитить социальные, экономические и этические последствия этих повергающих в трепет технологий — предвосхитить, а не запоздало реагировать” [там же, с. 167]. Для нас важно, что именно на этой мысли неоднократно акцентировал внимание И.Т. Фролов. Выступая в ноябре 1987 года с докладом “Новое мышление и новый гуманизм” на симпозиуме Христианской мирной конференции в Праге, философ призывал “постараться сделать так, чтобы осознание грозности этой проблемы возникло не постфактум, то есть не после того, как какое-то несчастье произойдет для человечества. А может быть, у нас уже, как мы надеемся, хватит разума для того, чтобы упредить эти опасности” [1, с. 515].

И.Т. Фролов не раз говорил и писал о том, что в генной инженерии затрагиваются самые интимные механизмы генетических процессов и молекулярные биологи достигли края экспериментальной пропасти, которая может оказаться страшнее той, что разверзлась перед человечеством с созданием ядерного оружия. К аналогичному выводу приходит и Дж. Нэсбитт: “Многим мыслящим людям развитие генетики представляется таким же опасным, как разработка ядерного оружия” [10, с. 246].

Сегодня биоэтики занимаются не только насущными проблемами. Как ни в одной другой науке, они работают на предвосхищение воздействия новых технологий. Примечательно, что и в работах Дж. Нэсбитта, и в работах И.Т. Фролова идея предвосхищения последствий применения новых технологий служит

переходом от биоэтики к гуманитарной экспертизе. Автор книги “Высокая технология, глубокая гуманность” приходит к выводу о том, что пора сделать “биологическую этику существенной составной частью принятия социально важных решений” [там же, с. 169]. И.Т. Фролов еще в 1980 году, выступая на VIII Кюльнсборнском коллоквиуме по философским и этическим проблемам биологии, поставил вопрос об оценке научной эффективности с гуманистической точки зрения и выдвинул предложение о гуманитарной экспертизе любых социально значимых экономических и научных проектов [28]. Идеи И.Т. Фролова о гуманитарной экспертизе получили частичную реализацию при создании Института человека АН СССР. В Постановлении об организации Института человека было записано, что наряду с проведением фундаментальных исследований Институт должен осуществлять гуманитарную экспертизу масштабных социально-экономических проектов. В Институте человека РАН проводилось практическое консультирование государственных и иных структур, готовились экспертные оценки различных проектов, затрагивающих природу и возможности человека (среди них — экспертиза российской части проекта “Геном человека”, экспертиза проекта Доклада Программы развития ООН о человеческом потенциале РФ, отечественных законопроектов и международных нормативных документов Совета Европы в области здравоохранения и биомедицинских исследований, и др.).

Отдельной темой является коррелятивная зависимость между генами, отвечающими за наследственные заболевания, и жизненно необходимыми генами. Вся идеология евгеники была пронизана идеей освобождения от патогенного груза. Однако И.Т. Фролов обращает внимание на то, что избавление человека от груза патогенных мутаций может негативно сказаться на работе генов, коррелятивно связанных с патогенными, и вообще привести к снижению генетического разнообразия вида “человек”. Нэбитт пишет о том же, подчеркивая, что вполне реальна ситуация, когда “гены, вызывающие патологию, могут служить человечеству” [10, с. 183].

Важной темой размышлений И.Т. Фролова в отношении биотехнологий было их социальное функционирование. Всякое экспериментальное вмешательство в биологию человека требует не только этического регулирования, но и ставит острые социальные проблемы, появляющиеся при первой же попытке такого вмешательства. В частности, неизбежно возникают барьеры на пути открытого обмена информацией, засекречивание, патентные ограничения и даже внутренние конфликты между коммерческими обязательствами и академическими обязанностями ученого, что подрывает сами основы взаимоотношений в научном сообществе. По убеждению И.Т. Фролова, общество, где господствует частный интерес, по своей природе не способно к демократическому и гуманному контролю, в частности, в области гено-инженерных экспериментов [26]. Трудно себе представить,

какие размеры могут принять мошенничество, ажиотаж, массовый ущерб здоровью людей при коммерциализации биотехнологий. При всей приверженности принципам рынка Дж. Нэсбитт как честный ученый понял такие опасности. “Существует глубокая озабоченность тем, что эти технологии могут выскользнуть из области лечения в область моды”, превратиться в “торговый эксперимент”, пишет он, имея в виду прежде всего “вопросы генетической тайны, неравенства доступа и генетическое патентование” [10, с. 184]. Парадоксам патентования и лицензирования продуктов генной инженерии Нэсбитт в книге “Высокая технология, глубокая гуманность” посвятил целый параграф. Некоторые ждут от корпоративного производства и частной торговли лицензированными генетическими продуктами феерического обогащения. Американский философ ставит проблему неравенства доступа к технологиям между “богатыми и бедными семьями, богатыми и бедными нациями” [там же, с. 196]. Рыночное регулирование биотехнологий недопустимо — такой вывод может сделать читатель книги Нэсбитта. При этом сам автор декларирует себя приверженцем рыночной экономики. Как самоирония звучат его слова о социальном функционировании биотехнологий: “В этом деле требуется больше размышлений, чем может позволить себе рыночное общество” [там же, с. 212].

С философскими предостережениями И.Т. Фролова перекликаются и мысли Дж. Нэсбитта о том, что в генной терапии пока нет ясности даже в том, что считать болезнью и от чего надо лечить, и тем более непонятно, “где провести демаркационную линию между лечением и улучшением” [там же, с. 184].

Дж. Нэсбитт приводит различные примеры того, как растет вероятность злоупотребления генетической информацией и использования ее для дискриминации, ограничения прав граждан. Так, несанкционированный доступ корпораций к медицинским документам ДНК-тестирования может служить основанием для принятия решения о предоставлении кредита [там же, с. 199, 200]. Или другой пример “парадоксов рыночного общества”: “В то время как ученые-генетики учатся идентифицировать и лечить определенные наследственные заболевания, страховые компании используют ту же самую информацию для того, чтобы отказать в медицинском страховании этих заболеваний” [там же, с. 203].

И.Т. Фролов писал об опасностях биогенетических технологий для соблюдения прав человека несколько десятилетий тому назад. В его статье “Перспективы человека” (1975) читаем: “Всякое экспериментирование на человеке означает частичное вторжение в неотъемлемые свободы и права человека, но оно может ограничиваться настолько, чтобы быть адекватным системе моральных и иных ценностей общества и являться следствием свободно принимаемых решений” [20].

В свете сказанного неудивительно, что позиции И.Т. Фролова и Дж. Нэсбитта совпадают в отношении оценки евгеники. Советский ученый выдвигает вполне убедительный философ-

ско-этический аргумент о недопустимости евгенических экспериментов. Он говорит о неактуальности евгенического вмешательства в настоящее время, когда человечество вполне может развиваться на имеющейся генетической основе; когда же, в отдаленном будущем, данная проблема станет актуальной для человечества, оно найдет не только адекватные и безопасные технические пути ее решения, но и сумеет выработать разумные, благородные и гуманные способы практического применения этих решений [23; 22]. Сегодня же ни наука, ни общество не готовы к вмешательству в биологию человека. Незадолго до своей смерти (1999) И.Т. Фролов писал: “Я готов еще раз повторить, что в современных условиях, когда мир полон глубочайших социальных противоречий, когда реальна угроза тоталитаризма и диктатуры, а значит, бесконтрольной манипуляции наследственностью человека, евгенические проекты могут сыграть, как это уже было в прошлом, весьма реакционную роль” [16, с. 37]. Дж. Нэсбитт также вспоминает о печальном опыте нацизма и полагает, что продажа генетической информации на свободном рынке может обернуться еще худшими последствиями. Несостоятельность евгеники заключается, по Нэсбитту, в ее исходных принципах, когда мы беремся исправлять “суть человека, его самость в соответствии с некоей сиюминутной, популярной и модной в данный момент системой ценностей” [10, с. 184].

Размышления над опасностями, или, как принято говорить сегодня, рисками применения биотехнологий к человеку, да еще с целью его “улучшения”, привели американского и русского мыслителей к ключевой теме — теме уникальности человека. С точки зрения И.Т. Фролова, претензия на преобразование живой природы и себя самого с помощью современной науки порождает этические проблемы, которые возникают при всяком вмешательстве, затрагивающем человеческую уникальность [18]. Ученый требовал “четкого признания уникальности и свободы каждой человеческой личности” [24]. По мнению Г.Л. Белкиной и С.Н. Корсакова, “оригинальность философского подхода И.Т. Фролова к этим проблемам заключается в том, что он объединяет принципы целостности, универсальности и уникальности человека” [3]. А вот что пишет Дж. Нэсбитт: “Уникальность жизни каждого отдельного человека и ценности каждого человеческого существа должны исключать генетические улучшения” [10, с. 190]. В свете сказанного выше мы вправе констатировать, что Дж. Нэсбитт вполне может рассматриваться как единомышленник И.Т. Фролова.

Всякое вмешательство в природу человека мотивируют его благом. Но философский, социально-этический вопрос о том, каким видится идеал человека, оказывается важнее вопроса о научно-технических возможностях манипулирования природой человека. Когда мы хотим получить ответ на вопрос “Как это устроено?”, мы идем к ученому, потому что тот знает ответ. За ответом на вопрос “Как нам поступить?” мы отправляемся

к мудрецу, который готового ответа не имеет. Именно это и понял Дж. Нэсбитт: “Наука может сказать вам, что возможно, но она не сможет сказать вам, что желательно” [там же, с. 156]. Мудреца же отличает не дополнительное знание, а способность соотнести любую проблему с благом человека. “Что значит быть человеком — центральный вопрос, лежащий в основе дискуссии” [там же, с. 194], — приходит к выводу американский философ. Он пишет: “Самым плодотворным контекстом размышлений о новых технологиях является человеческий контекст. Кто мы? Кем мы хотим стать? И как мы хотим этого добиться?” [там же, с. 248]. Ученый сам не заметил, как, занявшись возможностями и опасностями биотехнологий, пришел от сугубо прагматических проблем к кантовским вопросам. “Что я могу знать? Что мне надлежит делать? На что я смею надеяться?” — за этими вопросами у И. Канта следует подытоживающий вопрос “Что есть человек?” [7]. Дж. Нэсбитт осознал эту взаимосвязь. В конце книги “Высокая технология, глубокая гуманность” он пришел к выводу: “...нам надо обогатить наши представления о том, кто мы, куда мы хотим прийти и какое общество мы хотим иметь” [10, с. 257]. Почти по И. Канту. Но и почти по И.Т. Фролову [см.: 27]. В своих работах советский философ так же задавался серией вопросов о человеке. Вот их фроловская версия: “Откуда идем? Где находимся? Куда движется мир? Куда идем? К кому обращаемся?” [25].

Еще более знаменательно, как совпали ответы американского и русского философов на поставленные выше вопросы. “Размышляя о технологиях, новых и старых, в контексте того, насколько хороши они для человечества, мы можем проявить проблеск той мудрости, которая означает нечто большее, чем рациональный интеллект”, — утверждал Дж. Нэсбитт [10, с. 248]. По мысли И.Т. Фролова, истина о целостном человеке становится доступной только *доброму разуму, сплаву разума и гуманности*. Советский философ не зря пропагандировал творчество Нэсбитта в России. Ему были особенно дороги оптимизм Нэсбитта, его вера в человека и в способность сделать будущее истинно человеческим, признание главной мегатенденцией триумфа человека [11, с. 4].

Перед нами поучительный пример содержательного диалога философов, представляющих две великие цивилизации. Оба ученых осмысливали самые острые проблемы человека и его будущего, но при этом исходили из принципа приоритета человека. Самостоятельно развиваясь, каждый на своем материале, мыслители пришли к выводам, которые, как мы видели выше, подчас совпадали даже дословно. И.Т. Фролова нет с нами уже около 20 лет. Но последующая творческая эволюция Дж. Нэсбитта только подтвердила правильность избранного обоими авторами теоретического вектора, необходимость для человечества их гуманистических идей. Творчество Дж. Нэсбитта, как и И.Т. Фролова, интересно нам не только своими футурологическими прогнозами, но и своей гуманистической устремленностью.

Литература

1. Академик Иван Тимофеевич Фролов: Очерки. Воспоминания. Избранные статьи. М.: Наука, 2001.
2. *Араб-Оглы Э.А.* Обозримое будущее: Социальные последствия НТР: год 2000. М.: Мысль, 1986.
3. Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 2. М.: Институт философии РАН, 2009. С. 54.
4. Высокое соприкосновение // Знание — сила. 1986. № 2.
5. Диалектический материализм и современная наука. Прага: Мир и социализм, 1978. С. 117.
6. Иван Тимофеевич Фролов / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Наука, 2009. С. 3–10. Сер.: Философия России второй половины XX в.
7. *Кант И.* Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 589.
8. *Корсаков С.Н.* Иван Тимофеевич Фролов. М.: Наука, 2006. С. 512.
9. *Моисеев Н.Н., Фролов И.Т.* Высокое соприкосновение: (Общество, человек и природа в век микроэлектроники, информатики и биотехнологии) // *Вопр. философии.* 1984. № 9.
10. *Нэсбитт Дж.* Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла: пер. с англ. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.
11. *Нэсбитт Дж., Эбурдин П.* Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000: пер. с англ. / предисл. И.Т. Фролова. М.: Республика, 1992.
12. Раздумья о будущем. М.: Политиздат, 1987. С. 21.
13. *Султанова М.А.* “Информационное общество” — “новый рай” для человечества? (Теодор Роззак против Джона Несбитта) // *Перспективы мирового развития в западной литературе: в 2 ч. Ч. 1.* М.: Ин-т философии АН СССР, 1990.
14. *Фролов И.Т.* Загадка жизни и тайна человека: поиски и заблуждения // *Вопр. философии.* 1999. № 8. С. 58.
15. *Фролов И.Т.* Интервью // *Известия.* 1993. 31 авг.
16. *Фролов И.Т.* Начало пути: (Критические заметки о неоевгенике) // *Человек.* 1997. № 1.
17. *Фролов И.Т.* О человеке и гуманизме. М.: Политиздат, 1989.
18. *Фролов И.Т.* Ответственность ученого перед обществом: социально-этические аспекты геной инженерии // *Вопр. истории естествознания и техники.* 1980. № 4. С. 81.
19. *Фролов И.Т.* Перестройка: философский смысл и человеческое предназначение. Лекция, прочитанная в Брайтоне перед участниками XVIII Всемирного философского конгресса (1988 г.) // *Вопр. философии.* 1989. № 2. С. 21–22.
20. *Фролов И.Т.* Перспективы человека // *Вопр. философии.* 1975. № 6. С. 87.
21. *Фролов И.Т.* Приоритет человека // *Сов. культура.* 1986. 19 февр.
22. *Фролов И.Т.* Прогресс науки и будущее человека. М.: Политиздат, 1975. С. 172.
23. *Фролов И.Т.* Современная наука и гуманизм // *Вопр. философии.* 1973. № 3. С. 14.
24. *Фролов И.Т.* Социально-этические проблемы генетической инженерии // *Природа.* 1976. № 1. С. 28.
25. *Фролов И.Т.* Quo vadis? // *Независимая газ.* 1993. 21 авг.
26. *Фролов И.Т., Юдин Б.Г.* Этика науки. М.: Политиздат, 1986.
27. *Ценностные основания научного познания.* М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 80–89.
28. VIII Kühlungsborner Kolloquium. Kühlungsborn, 1982. S. 219–231.
29. *Frolov I.T.* Man, Science, Humanism: A new synthesis. Buffalo; New York: Prometheus Books, 1990.
30. *Frolov I.T.* Perestroika and humanism // *Town Hall journal (Los Angeles).* 1990. No. 12. P. 94–95.
31. *Naisbitt J.* Megachoice: Options for tomorrow's world // *Futurist (Wash.).* 1985. Vol. 19, No. 4. P. 13–16.

М. Фролова
Гуманистическая
футурология:
Дж. Нэсбитт
и И.Т. Фролов